

в глаза несоответствие песен фактам. Песни изображают события не совсем так, а то и совсем не так, как они происходили в реальности. Иногда в них речь идет о событиях, вовсе не известных истории и в истории невозможных. Исторические лица совершают такие поступки, каких они на самом деле не совершали и не могли совершать».³⁸

По указанным причинам даже ссылка на единственный возможный источник — народную песню или былинку — не может опровергнуть основного вывода, который следует из анализа текста «Истории Российской» и летописей о том, что третьего особого летописного рассказа о походе Игоря не существовало.

Подтверждаются ли выводы фактами языка? Поскольку здесь невозможно рассмотреть всю морфологическую и лексическую систему летописи и рассказа Татищева, отметим только некоторые языковые черты и особенности рассказа «Истории», затем обратимся к глагольным формам источников, так как они, на наш взгляд, являются решающим показателем в вопросе об авторстве «вставок» («вставками» называются те фрагменты рассказа «Истории», которые не отмечаются в летописи). И, наконец, особое внимание будет уделено использованию личного местоимения «яз», так как древний руссифицированный вид этого местоимения может вызвать подозрение, что перед Татищевым лежал древний текст, рассказом которого он и воспользовался.

Нужно оговорить, что язык II редакции соответствует нормам литературного языка XVIII в. Как говорил Татищев, II редакция «переписана настоящим наречием и яснейшим слогом»,³⁹ поэтому здесь анализируются языковые особенности рассказа I редакции «Истории Российской».

Заметна последовательная славянизация текста. Летописным формам «верема», «ворота», «середе», «утече», «хочет» соответствуют в татищевском рассказе их церковно-славянские варианты: «время», «врага», «посреде», «утещи», «хощет».

И в то же время язык рассказа по сравнению с летописью подновлен. Это проявляется в утере связки во временах плюсквамперфекта и перфекта. Вместо «Игоря бяхуть яли», «шел есть от людей» в рассказе «Истории» читаем: «Игоря взяли», «шел от людей» и т. д.

Замечается тенденция к унификации глагольных форм: при замене все множество древних глагольных форм (имперфект, перфект, плюсквамперфект) сводится главным образом к аористу. В тех текстах, которые есть основания рассматривать как принадлежащие самому Татищеву, использованы также формы аориста. Правда, в эпизоде «Северян радость о Игоре» встречаются единичные случаи употребления имперфекта. Но там они, во-первых, стилистически оправданы и необходимы, так как входят в состав устойчивых словосочетаний, этикетных формул: «не можаше на конь всесть», «испускаху слезы», «людие встречаху». Во-вторых, наличие в тексте Татищева форм имперфекта не обязательно должно указывать на использование им древнего источника. Известно, что формы имперфекта отмечаются в «Елиникионе» Феофана Прокоповича (1709 г.), а в «Гистории о Российском матросе Кариотском» зафиксирован имперфект в древней нестяженной форме «имеяше»: «А оной дворянин в великую скудость прииде и не имеяше у себя пищи».⁴⁰

³⁸ Б. Н. Путилов. Русская историческая песня. — В кн.: Народные исторические песни. Большая сер. Библ. поэта, М.—Л., 1962, стр. 9.

³⁹ ИА, т. VI, М.—Л., 1951, стр. 252 (письмо К. Г. Разумовскому от 24 августа 1746 г.).

⁴⁰ Повесть о российском матросе Василии. — В кн.: Г. Н. Моисеева. Русские повести первой трети XVIII в., М.—Л., 1965, стр. 191.